

E.B. Абдуллаев
Ташкентская духовная семинария

ШЕКСПИР, КОТОРЫЙ БЫЛ ШЕКСПИРОМ. Еще раз о «шекспировском вопросе»

Статья посвящена мистику книги И.О. Шайтанова «Шекспир» (2013) в дискуссиях о «шекспировском вопросе» в современной российской гуманитарной мысли. Даётся краткий обзор основных шекспировских биографий, вышедших в России в 2000 – первой половине 2010-х годов, а также критически рассматриваются некоторые аргументы российских адептов антистрэтфордианства.

Шекспир, стрэтфордианство, антистрэтфордианство, философия, авторство.

Разговор о «Шекспире» Игоря Олеговича Шайтана [19] мне придется предварить небольшой библиографической экспозицией.

Как передавал реплику кого-то из своих коллег Михаил Гаспаров, «сейчас у нас не пушкинисты, а временно исполняющие обязанности пушкинистов» [7, с. 372].

Но если «врио» пушкинисты у нас все же остались, то в российском шекспироведении пейзаж еще более уныл. Я не говорю о тех – теперь уже почти баснословных – временах, когда оно было представлено именами М.М. Морозова, А.А. Смирнова, А.А. Аникста, Л.Е. Пинского; когда на шекспировские темы писали такие масштабные фигуры, как М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский... Даже в 70-е – 80-е, когда «эпоха титанов» отошла в прошлое, отечественная шекспириана выглядела вполне пристойно. Ежегодно выходили десятки академических и популярных исследований о Шекспире и его эпохе, обзоров, рецензий, не считая театральных и киноведческих работ.

Были в позднесоветском шекспироведении, разумеется, и свои лакуны. Так, в плане методологии оно застыло где-то на уровне первой трети XX века, в добротном, но несколько обветшалом позитивизме. Ни школа «истории идей», ни структурализм, ни «новый историзм» не оказали на него какого-либо заметного влияния. Другая проблема – комментаторская. Академического, с серьезным научным аппаратом, издания шекспировских произведений в советское время так и не появилось: ни полного академического собрания сочинений, ни отдельных изданий в сериях вроде «Литературных памятников»¹...

И эти лакуны не заполнены и по сей день. Интерес к Шекспиру – если судить по переизданию прежних переводов и появлению новых – не падает; что же касается шекспироведения, то оно как-то «ужжалось» и маргинализировалось.

Одной из примет этой маргинализации стал всплеск антистрэтфординских публикаций. На российский книжный рынок хлынули биографии «под-

линных» Шекспиров. Роджера Мэннерса, графа Ретленда; Фрэнсиса Бэкона, барона Верулама; Эдварда де Вера, графа Оксфорда... Рядом со столь сиятельныйми претендентами фигура скромного стрэтфордца в темном камзоле несколько отошла в тень.

Начало было положено в 1997-м выходом книги И.М. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса» [9]. Отождествление автора шекспировских сочинений с графом Ретлендом и приводимые в пользу этого аргументы встретили критику как со стороны стрэтфордианцев, так и антистрэтфордианцев. Что не помешало книге выдержать десяток переизданий и оставаться наиболее известным в России антистрэтфордианским текстом.

Следом подали голос бэконианцы: в 2002 году выходит «Портрет Шекспира, или Личное дело Фрэнсиса Бэкона» В. Германа. Книга также успела выйти вторым изданием в 2008 году [8]. В том же 2008 свою версию того, кто «скрывался» под именем Шекспира, публикует М.Д. Литвинова. В книге «Оправдание Шекспира» [12] известная переводчица предложила более компромиссный вариант двух гипотез: под «псевдонимом» Шекспира, по ее версии, скрывались и Ретленд, и его старший наставник Френсис Бэкон.

2010 год – появление книги И.В. Пешкова «Автор „Гамлета“ оставил нам свою подпись» [13]. Автором «Гамлета» (и остальных шекспировских произведений) на этот раз объявляется Эдвард де Вэр, граф Оксфорд. В более полном виде эта гипотеза изложена Пешковым пятью годами позже в книге «F1, или книга доказательств: теорема Шекспира как лемма авторства» [16]. Об исследованиях И.В. Пешкова еще придется подробнее сказать ниже.

К книгам российских антистрэтфордианцев можно добавить еще две переводные (обе вышли в 2008). Это «бэконианская» исследование В.М. Феллоуз «Код Шекспира» [17] и книга Дж. Бренды и У.Д. Рубинстайна «Тайное станет явным. Шекспир без маски» [4], в которой на роль Шекспира выдвинут еще один елизаветинский вельможа, сэр Генри Невилл из Биллингбера...

Я называю лишь наиболее заметные публикации – книжная продукция антистрэтфордианцев, как переводная, так и отечественного производства, гораздо

¹ Лишь недавно в «Литпамятниках» стали, наконец, появляться шекспировские издания: «Король Лир» (2013) и сонеты (2016).

разнообразнее, больше и число претендентов на роль Шекспира.

Разумеется, «традиционные» биографии Великого Барда, в которых Уильям Шекспир из Стрэтфорда остается «тем самым» Уильямом Шекспиром, в России продолжают издаваться. Хотя и не в столь разнообразном ассортименте, как антистрэтфордианские. Это, прежде всего, «Шекспир» Питера Акройда, вышедший в русском переводе (не слишком, на мой взгляд, удачном) в 2009 году и с тех пор несколько раз переизданный². И другая, не менее увлекательная книга «Шекспир: Весь мир театр» Б. Брайсона (2014) [3]. Стоит назвать и еще одно, хотя не биографическое, но важное в плане защиты стрэтфордианства исследование, датированное тем же 2014, юбилейным шекспировским годом: «Плоды шекспиrolюбия: Шекспир и Шакспер» Е. Гордеевой [11].

Впрочем, обе последние книги вышли уже *после* «Шекспира» И.О. Шайтанова. К моменту же его выхода современная стрэтфордианская биографическая традиция была представлена, по сути, одной книгой Питера Акройда, написанной необычайно занимательно, с богатой, порой даже избыточной фактологией. Тем не менее, испытывалась необходимость именно в новой «русской» биографии Шекспира. Биографии, в которой бы учитывалась рецепция Шекспира русской культурой и одновременно содержался бы ответ на «вызовы» антистрэтфордианства, особенно в его современном российском изводе. Напомню, что последняя отечественная биография Шекспира, написанная А.А. Аникстом, выходила в 1964 году [2], а прошедшие полвека мировое шекспироведение, разумеется, не стояло на месте. Менялись методологии, расширялось знание о шекспировской эпохе, уточнялись факты...

Труд И.О. Шайтанова, если использовать излюбленную рецензентами фразу, полностью отражает все эти требования. Он наполнен ссылками, рассчитанными на культурный багаж русского читателя: параллели с Пушкиным [19, с. 53–54, 298], проблема точности переводов Маршака [19, с. 32, 223–224, 276, 330], шекспировские штудии Пастернака [19, с. 462], не говоря об упоминаниях Веселовского, Бахтина, Эйдельмана...

Одновременно это книга, написанная на уровне современного шекспироведения. Нужно, разумеется, учитывать, что она вышла в популярной серии и рассчитана – опять должен использовать обычный в таких случаях оборот – на широкий круг читателей. Тем не менее, книга поконится на солидном академическом фундаменте: «Шекспир» Шайтанова аккумулирует опыт наиболее известных современных авторов, писавших о Шекспире, – Дж. Шапиро, Г. Блума, С. Гринблatta и многих других.

Сама «оптика» книги отличается от той идеализированной, «наивно-реалистической» (определение Л.Г. Гинзбург), которая преобладала в отечественных исследованиях о Шекспире еще в 1980-е³. Шекспир

Шайтанова – противоречивая фигура противоречивой эпохи; эпохи, в которой религиозная революция наложилась на социальную (подъем третьего сословия), а также сексуальную (если допустимо использовать этот более поздний термин для описания той эманципации, которой подверглась сфера интимной жизни в ренессансный период). Шайтанов свободно – но предельно тактично – касается и вопроса религиозности Шекспира, и проблемы отражения «авторской» сексуальности в его произведениях, и особенно болезненного для биографов вопроса о ростовщической деятельности поэта [19, с. 433–435].

Значительная часть книги посвящена полемике с антистрэтфордиантами. С нее, собственно, книга и начинается: «...кто же все-таки скрывается под именем Шекспира? Это не Бэкон, не Марло, не граф Оксфорд... Ни в коем случае не граф Ретленд... Не первый, не второй, не третий, не тридцать третий, поскольку претендентов в Шекспира насчитывается более тридцати (и, кажется, еще больше). Но ни один из них не родился в Стрэтфорде-на-Эйвоне⁴. Из *всех претендентов там родился только Уильям Шекспир* (курсив наш. – Е. А.). Таков мой предварительный ответ на “шекспировский вопрос”, к которому по ходу рассказа я буду вынужден возвращаться не раз в тех местах, где в шекспировской биографии возникают лакуны (их немало!), странности и все, что порождает сомнения и догадки» [19, с. 6].

Выполняя это обещание, И.О. Шайтанов не раз возвращается к полемике с антистрэтфордиантами: в главах, посвященных юности Шекспира [19, с. 68] и его первым шагам на лондонской сцене [19, с. 91, 92], и взаимоотношениям с Марло (и о Марло как кандидате на роль «подлинного» Шекспира) [19, с. 102, 103]... Вплоть до самого эпилога, где предметом спора становится попытка антистрэтфордианцев увидеть некие намеки на «ложность» отождествления стрэтфордского Шекспира с Шекспиром «подлинным» в эпитафии, а также портрете на Первом Фолио [19, с. 459–460]. Есть и отдельная глава – «Честеровский сборник и “шекспировский вопрос”», специально посвященная критике гипотезы И.М. Гилилова [19, с. 323–329].

Однако наиболее сильным доводом против антистрэтфордианства оказываются даже не эти критические вставки – хотя они написаны убедительно, с риторическим изяществом и делают чтение этой и без того увлекательно написанной книги еще более интересным. Главным антистрэтфордианским аргументом, на мой взгляд, является сама книга И.О. Шайтанова – современное и ярко написанное биографическое исследование, заново утверждающее позиции классического шекспироведения в тот момент, когда наплыv антистрэтфордианских изданий, казалось, начинал размывать – по крайней мере, в массовом читательском сознании – его последние бастионы...

² Я не включаю сюда переводы известных, но явно устаревших исследований о жизни и трудах Шекспира Р. Жанэ, Г. Брандеса, Дж.Д. Уилсона и др.

³ «Существует aberrация совпадения личных качеств с общественными поступками. Это наивный реализм этического мышления.

У нас, начиная с [19]40-х годов, это приняло форму государственного наивного реализма, в силу которого, например, все великие писатели изображались в равной мере добросердечными, и главное, целомудренными» [10, с. 267–268].

⁴ Имеется в виду известная фраза Бена Джонсона, открывающая Первое фолио: «сладкоголосый эйвонский лебедь» (*sweet swan of Avon*), которую Шайтанов приводит чуть далее [18, с. 11].

Несколько слов *pro domo teae*. Должен сказать, что я сам какое-то время испытывал сомнения относительно подлинности авторства «стрэтфордского» Шекспира. Летом 1991 года я оказался на лекции Мариной Дмитриевны Литвиновой, прочитанной в узком кругу переводчиков. Литвинова, в то время – активная сторонница гипотезы Гилилова, делилась результатами своих недавних (на тот момент) изысканий в Шекспировской библиотеке Фолджера в Вашингтоне. Эта история с обнаружением на так называемом честеровском сборнике «Жертва Любви, или Жалоба Розалины» (*Love's Martyr, Or Rosalin's Complaint*) водяного знака в виде единорога с искривленными задними ногами позже стала довольно известной: о ней подробно рассказал в своей книге Гилилов⁵. Но тогда на меня, еще студента, эта история – и сама возможность «альтернативного» прочтения классика – произвела сильное впечатление.

Постепенно, однако, стали накапливаться сомнения. Изучение отражения философской проблематики в шекспировских произведениях (а мой научный интерес к Шекспиру – прежде всего, историко-философский), вроде бы, должно было подтвердить мнение о том, что за «маской» Шекспира скрывался кто-то из его более философски образованных современников, обладателей университетских степеней. Либо Ретленд, либо де Вер, либо сам Бэкон...

Однако этого как раз не происходило. При всей философичности шекспировских произведений количество прямых упоминаний в них философских терминов и имен крайне незначительно. Античные философы (Пифагор, Сократ, Аристотель), так же как и античные философские течения, фигурируют в иронично-сниженном регистре, в духе расхожих представлений и анекдотов о них в позднесредневековой культуре... Факт непосредственного знакомства Великого Барда с сочинениями Аристотеля, а также сочинениями и идеями крупных мыслителей его эпохи – Бэкона, Бруно и Эразма Роттердамского – остается дискуссионным...

Интеллектуальный контекст шекспировской эпохи был насыщен интересом к философии, возникшим на фоне кризиса религиозного сознания и ренессансного гуманизма. И этот интерес выходил далеко за пределы университетской образованности... Подобные эпохи (их можно, используя термин Г.В. Флоровского, назвать «эпохами философского пробуждения») случались и позже; и почти в каждую из них мы встречаем крупных поэтов, живо откликавшихся на этот интерес, однако не имевших ни философского образования, ни серьезных познаний в философии. Не обладал ими – если брать примеры из русской литературы – ни Пушкин, ни Мандельштам; Бродский – один из самых метафизических русских поэтов недавнего прошлого – вообще не имел университетского образования... Не обладал ими и Шекспир. (И об этом, опять же, убедительно пишет в своей книге Шайтанов, описывая тот холодный прием, который «недоучка» из Стрэтфорда встретил со стороны столичных «университетских оstromыслов» [19, с. 97–104].)

⁵ Уделено ей место и в книге Шайтанова [19, с. 326–327].

Однако главной причиной, заставившей меня в начале усомниться в антистрэтфордианстве, а затем и отойти от него, стало само антистрэтфордианство. А точнее, та метаморфоза, которая произошла с ним в России с конца девяностых. Дело даже не в том, что из почти эзотерического знания, как оно было воспринято мной в 1991, антистрэтфордианство фактически превратилось в мейнстрим, интеллектуальную рутину. Само обилие взаимоисключающих антистрэтфордианских гипотез, бесконечная кадиль претендентов, то поодиночке, то группами выдвигаемых на роль «подлинных» Шекспиров, дух сомнительной сенсационности, окружающей каждое новое «открытие»⁶, – все это окончательно отвратило от поисков альтернатив «стрэтфордскому» Шекспиру. Впрочем, определенный смысл в этих поисках есть, в чем я, опять же, соглашусь с И.О. Шайтановым: «К “шекспировскому вопросу” я отношусь положительно в том смысле, что это – стимул для биографа. <...> Но то, что полезно для биографа, бывает очень вредно для читателя, которому очередная версия предлагается как истина в последней инстанции (добытая нечеловеческим напряжением ума и путем хитроумнейшего расследования), а не как детективное чтиво...» [19, с. 6].

На этом убедительном аккорде можно было бы завершить; однако для полноты картины стоит сказать и о реакции на книгу Шайтанова российских антистрэтфордианцев. Можно было ожидать, что она будет не комплиментарной; однако реальность преувеличила все ожидания. Я имею в виду рецензию И.В. Пешкова, опубликованную во втором номере «Нового литературного обозрения» за 2014 год [15].

Собственно, назвать этот текст рецензией сложно. Нет ни обычных общих сведений о книге, ни двух-трех формальных похвал, которыми, в добрых научных традициях, начинаются даже самые разгромные рецензии... Начиная с самого заглавия – «Призрак однопартийности» (более, думается, уместного для «Известий» или «Московского комсомольца», чем для академического журнала), весь текст выглядит, скорее, как памфлет, написанный с вполне определенных позиций и с определенной целью.

Что касается позиций, то уже в первом абзаце автор заявляет, что «на роль Шекспира есть несколько вполне определенных претендентов», а чуть далее обозначает и своего «фаворита»: «Эдвард де Вер, семнадцатый граф Оксфорд, биография которого так или иначе отражается практически во всех комедиях и трагедиях Шекспира» [15].

Здесь не место разбирать, насколько «отражается» во всех шекспировских пьесах биография графа Оксфорда. Отдельного разговора требует и гипотеза самого И.В. Пешкова – автора нескольких содержательных рецензий и исследований о Шекспире, выходивших в 2000-е и написанных во вполне традиционном, «стрэтфордианском» ключе; по крайней мере – без какой-либо полемики с ним. С конца 2000-х, однако, работы Пешкова стали носить оттенок непримиримо-

⁶ Особенно навязчиво выглядят полудетективные заголовки: «Тайна Великого Феникса», «Портрет Шекспира или личное дело Франисса Бэкона», «Автор “Гамлета” оставил нам свою подпись», «Код Шекспира», «Тайное станет явным. Шекспир без маски»...

го антистрэтфордианства (см.: [13, 14, 16]). Краеугольным камнем доказательства в пользу авторства де Вера у Пешкова выступает Первое Фолио, в котором он находит несколько нумерологически зашифрованных упоминаний имени своего «фаворита». (Без ссылок на скрытые шифры не обходится почти ни одно антистрэтфордианское повествование.) В числе страниц Первого Фолио и даже в опечатке (993 вместо 399) Пешков видит некое «число де Вера», указывающее на его тайное авторство.

Дело даже не в том, что нумерологические изыскания Пешкова слишком напоминают известное место из «Маятника Фуко» У. Эко⁷... Все эти поиски имели бы смысл, если бы Первое Фолио было опубликовано не в начале XVII века, а столетием или двумя позже, когда отношение издателей к воле автора и к издаваемой ими продукции кардинально изменилось и подобные изощренные типографские проекты могли быть возможны. Однако посмертный шекспировский сборник вышел тогда, когда вышел – в 1623 году, и издателем его был Уильям Джеггард, не отличавшийся особой педантичностью, о чем свидетельствует история с изданным им за четверть века до этого, в 1599 году, сборником «Влюбленный пилигрим» (*The Passionate Pilgrim*)⁸... Пусть во время подготовки Первого фолио Джеггард был уже не у дел и передал дела в печатне своему сыну, логика издательского дела была прежней: фигура автора стояла в ней на последнем месте...

Основное обвинение, выдвигаемое И.В. Пешковым в отношении книги Шайтанова, состоит в игнорировании «работ оксфордианцев» – «самой многочисленной среди нестратфордианцев группы шекспироведов, к тому же за последние десятилетия достаточно глубоко инкорпорированной в академические круги англо-американских гуманитариев» [15]. Если оксфордианство под пером Пешкова сопрягается с современной прогрессивной наукой, то стрэтфордианство – с помощью столь же нехитрой метонимии – с «отжившей» советской. «И.О. Шайтанов <...> в целом вполне вписывается в сложившуюся в советское время традицию, более того, развивает ее, доводя до логического предела». Заметим, правда, что представление стрэтфордианства как «сложившейся в советское время традиции», мягко говоря, не совсем корректно: до 1917 года абсолютно преобладающим в русском литературоведении было именно стрэтфордианство, тогда как сомнения в авторстве Шекспира рассматривались не более как «модная ересь». И, на-

⁷ Я имею в виду «лекцию» Алье о «нумерологии» цветочной будки: «...предлагаю вам самим отправиться и измерить эту будку. Вы увидите, что длина прилавка составляет 149 сантиметров, то есть одну стомиллиарную долю расстояния между Землей и Солнцем. Высота его задней стенки, разделенная на ширину окошка, дает нам 176/56, то есть 3,14. Высота фасада составляет девятнадцать дециметров, то есть равна количеству лет древнегреческого лунного цикла. Сумма высот двух передних ребер и двух задних ребер подсчитывается так: 190 x 2+176 x 2 =732, это дата победы при Пуатье. Толщина прилавка составляет 3,10 сантиметров, а ширина наличника окна – 8,8 сантиметров. Заменяя целые числа соответствующими литерами алфавита, мы получим С10Н8, то есть формулу нафтилиана».

⁸ Когда, напомню, Джеггард напечатал в изданной под именем Шекспира антологию несколько сонетов Шекспира и других поэтов (не спросив ни у кого из них на это разрешения).

против, в 1920-е годы версия о Шекспире – Ретленде была активно поддержана наркомом Луначарским. С другой стороны, убежденными стрэтфордианцами были авторы, которых едва ли можно отнести к «советской» традиции: Борис Пастернак и Юрий Домбровский... Так что отношение стрэтфордианства и антистрэтфордианства никак не укладываются в бинарную («регressive – прогрессивное») схему. Хотя соблазн представить их именно таким образом, чувствуется, велик.

«По социологическим опросам в 2007 г., – пишет И.В. Пешков, – например, в той или иной мере сочувствующих нестратфордианским гипотезам преподавателей-шекспироведов было в США уже 17%» [15].

И что же из этого следует? Будем решать «шекспировскую проблему» путем соцопросов?

Впрочем, в своей недавней монографии И.В. Пешков идет еще дальше: «Для решения шекспировского вопроса в его наиболее банальном варианте (вроде «Кто же скрывался под маской Шекспира?») нужна политическая воля... Причем воля нужна глобальная...» [16, с. 531].

Как-то не совсем убедительно после этого выглядит адресованный Шайтанову упрек в том, что «в книге постоянно чувствуется тон пропагандиста» [15]. Тоном пропагандиста – причем страстного и непримиримого – проникнуты, на мой взгляд, как раз исследования самого И.В. Пешкова. Не говоря уже о его выступлениях в прессе, где о результатах его нумерологических экзерсисов в 2010 даже заговорили как о «сенсационном открытии»: «...шекспировед Игорь Пешков, похоже, сделал сенсационное открытие – нашел подлинную подпись гения. <...> Об открытии Игорь Пешков собирается рассказать в своей новой книге – она уже в типографии. <...> Сам исследователь не сомневается: литературный мир ждет сенсация» [6]. Говорили, впрочем, не долго; хотя вышла и книга, и вторая, и статьи в «Новом литературном обозрении»... Сенсации не произошло. И глобальная политическая воля тоже, похоже, пока не намерена решать «шекспировский вопрос» (в желаемом для И.В. Пешкова ключе). Отсюда и по-человечески понятное раздражение, которым проникнут его отклик на книгу Шайтанова.

Единственное критическое замечание И.В. Пешкова, с которым можно отчасти согласиться, – это обнаруженная им опечатка, вкраившаяся в текст книги: «Shakespere» вместо «Shakspeare», как фамилия отца Шекспира передана в приходской книге церкви Святой Троицы в Стрэтфорде.

«...В оригинале, – пишет Пешков, – последнее слово четко читается “Shakspeare”. При большом желании это можно прочитать и “Shakspare”, но уж никак не “Shakespeare”: букв просто не хватает. А между “k” и “s” буква “e” не помещается, как ни вталкивай. Нет ее. А значит, есть проблема с базовой аргументацией стрэтфордианцев (напомним, что она держится тождеством имени человека из Стратфорда и имен, напечатанных на изданиях произведений Шекспира)» [15].

Опечатка, действительно, досадная – однако, по сути, ничего в аргументации Шайтанова не меняющая: автор «Шекспира» сам признает, что в записи в приходской книге «написание фамилии Шекспира не

совпадает с тем, которое принято теперь – *Shakespeare* [19, с. 16–17]. И довольно убедительно поясняет причину этого отличия: «Это свидетельствует о неустойчивости орфографии в английском языке тюдоровской эпохи. В отношении Ричарда, деда поэта, зафиксированы *Shakstaff* и *Shakeschafte*. В документах, относящихся к его сыну Джону, таких вариантов не менее двадцати. В генеалогическом справочнике, изданном в 1867 году, способов написания фамилии значится – 57, причем с оговоркой, что в действительности их еще больше. Теперь считается, что их было не менее восьмидесяти. В печатных текстах Уильяма Шекспира преобладает *Shakespeare* (хотя иногда слово разделено дефисом), но в письменных текстах написание сильно колеблется, варьируя в первой части фамилии *Shaks-* и *Shax-*» [19, с. 17].

Так что на месте И.В. Пешкова я бы не стал торопиться объявлять замеченную опечатку «тенденциозной ошибкой». Пусть даже она повторяется, как он заметил, в статье Шайтанова в «Вопросах литературы» [14, с. 72] – такие казусы порой случаются, и от них не застрахован ни один автор. В том числе и сам Пешков, в одной из книг которого было допущено сразу несколько ошибок в передаче шекспировского текста – на что ему было указано рецензентом⁹...

Разбор критических инвектив рецензента «Нового литературного обозрения» можно было бы продолжить – однако делать этого я не стану, поскольку в цели этой статьи не входил ни разбор «сенсационной» гипотезы Пешкова¹⁰, ни защита книги Шайтанова (она, на мой взгляд, в этом и не нуждается). Шекспировская биография, с ее многочисленными «белыми пятнами» и противоречиями уже давно сама превратилась в художественное произведение – то комедию, то драму, то трагедию, в зависимости от того, на какой научной сцене она ставится; а «шекспировский вопрос» давно уже перерос знаменитый гамлетовский. И пока существует интерес к английскому классику, каждая новая биография будет решать этот вопрос по-своему и по-своему распределять роли в великой пьесе под названием «Уильям Шекспир».

Литература

1. Акройд, П. Шекспир. Биография / П. Акройд; пер. с англ. О. Кельберт. – Москва: Колибри, 2009. – 736 с. – (Отдельные проекты).
2. Аникст, А.А. Шекспир / А.А. Аникст. – Москва: Молодая гвардия, 1964. – 368 с.
3. Брайсон, Б. Шекспир: Весь мир театр / Б. Брайсон; пер. с англ. А. Николаевской. – Москва: Центр книги Рудомино, 2014. – 318 с.
4. Бренда, Дж. Тайное станет явным. Шекспир без маски / Дж. Бренда, У.Д. Рубинстайн; пер. с англ. М.Д. Литвиновой и Н. Литвиновой. – Москва: Весь мир, 2008. – 376 с. – (Магия имен).
5. Вахрушев, В.С. [Рецензия] [Электронный ресурс] / В.С. Вахрушев // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 4 (68). – С. 377–381. – Рец. на кн.: Шекспир. Гамлет. В поисках идентичности / пер., вступит. статья, подгот. текста оригинала и коммент. И.В. Пешкова. – Москва, 2003. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/kn33.html>.
6. Ганиева, Д. Переводчик «Гамлета» утверждает, что нашел подпись истинного Шекспира [Электронный ресурс] / Д. Ганиева // Вести. RU. – 2010. – 5 октября. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=397046>
7. Гаспаров, М.Л. Записи и выписки / М.Л. Гаспаров. – 3-е изд. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – 388 с.
8. Герман, В. Портрет Шекспира или личное дело Фрэнсиса Бэкона / В. Герман. – Москва: Некоммерческая издательская группа Э. Ракитской, 2002. – 288 с.
9. Гилилов, И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса / И.М. Гилилов. – Москва: Артист. Режиссер. Театр, 1997. – 474 с.
10. Гинзбург, Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования / Л. Гинзбург. – Ленинград: Сов. писатель, 1989. – 608 с.
11. Гордеева, Е. Плоды шекспиролюбия: Шекспир и Шакспер; Елизаветинцы и Джордано Бруно / Е. Гордеева. – Москва: ОГИ, 2014. – 1112 с.
12. Литвинова, М.Д. Оправдание Шекспира / М.Д. Литвинова. – Москва: Вагриус, 2008. – 656 с.
13. Пешков, И. Автор «Гамлета» оставил нам свою подпись / И. Пешков. – Москва: Лабиринт, 2010. – 278 с. – (Гамлет-серия).
14. Пешков И. Опечатка, или Ключ к имени автора [Электронный ресурс] / И. Пешков // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 4 (105). – С. 156–171. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/pe14.html>
15. Пешков, И. Призрак однопартийности [Электронный ресурс] / И. Пешков // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 2 (126). – С. 374–384. – Рец. на кн.: Шайтанов И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва, 2013. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/126/39p.html>
16. Пешков, И.В. F1, или Книга доказательств: теорема Шекспира как лемма авторства / И.В. Пешков. – Москва: РИПОЛ классик, 2015. – 576 с.
17. Феллоуз, В.М. Код Шекспира / В.М. Феллоуз; пер. с англ. И.И. Буровой. – Москва; Санкт-Петербург: Диля, 2008. – 442 с.
18. Шайтанов, И.О. Обстоятельства и проблемы творческой биографии Шекспира (до 1594 года) / И.О. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2013. – № 2. – С. 72–109.
19. Шайтанов, И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 474 с. – (Жизнь замечательных людей, 1425).

⁹ «А на с. 8 вступительной статьи, воспроизводя титульный лист первого издания пьесы (“плохого” квarto 1603 г.), он в двух строках допускает (очевидно, по недосмотру) целых четыре ошибки. Напечатано History, а надо Historie, Denmark стоит вместо Denmarke, by вместо By, перед Universities пропущены слова the two. Эти ошибки повторяются при воспроизведении заглавия квarto 1604 г., хотя оно дано и в фототипическом воспроизведении на первой странице книги!» [5].

¹⁰ С большим интересом, признаюсь, я бы рассмотрел ту часть недавней монографии И.В. Пешкова [16], в которой он анализирует становление категории авторства в позднеренессансной Англии. Хотя общий вывод о движении авторства от анонимности к псевдонимности выглядит несколько схематичным, однако он – в отличие от «оксфордианской» части книги – может стать предметом продуктивной дискуссии.

SHAKESPEARE WHO WAS SHAKESPEARE. THE AUTHORSHIP QUESTION REVISITED

The paper analyses Igor Shaytanov's *Shakespeare* (2013) in the context of the current discussion on the Shakespeare question in Russian literature studies. It reviews the key Shakespearean biographies of 2000s – early 2010s and some recent arguments of Russian Anti-Stratfordians.

W. Shakespeare, Stratfordians, Anti-Stratfordians, philosophy, authorship.

УДК 821.111

М.Ф. Амусин
Иерусалим, Израиль

ШЕКСПИР: БЫЛЬ, МИФЫ, ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматривается книга И.О. Шайтанова «Шекспир» в серии «ЖЗЛ». Книга, выдержанная в «проблемном» ключе, сочетает в себе широкий ряд исследовательских подходов и процедур, воссоздает историко-культурный контекст творчества великого драматурга и поэта, подробно излагает как установленные, так и спорные, «темные» моменты его биографии. Стержнем ее служит эстетический и смысловой анализ произведений Шекспира, который, по убеждению автора, только и может приблизить нас к пониманию тайн его личности и жизни.

Шекспир, елизаветинская эпоха, проблема авторства, эстетико-смысловой анализ, «историческая поэтика», «новый историзм», архетипические модели, «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Венецианский купец».

Книга Игоря Шайтанова «Шекспир» в серии ЖЗЛ принадлежит жанру популярной биографической литературы, пожалуй, в меньшей степени, чем домену научного шекспироведения, от которого я довольно далек. Данные заметки – отклик «заинтересованного читателя», которому по определению непросто оценивать полноту эрудиции и безупречность аргументации автора книги. Между тем книга мне понравилась, и это восприятие однозначно. Его-то я и попытаюсь здесь эксплицировать.

Для начала отмечу очевидный момент: писать биографию Шекспира – совсем не то, что создавать жизнеописания более близких к нам исторически фигур. Всем известно, насколько зыбка в данном случае фактологическая основа. Один возможный путь – пуститься в легковесно-авантюрную реконструкцию судьбы героя, затягивая лакуны и проломы паутиной общих мест, собственных – или коллективных – интуиций, чтобы не сказать домыслов. Другая крайность – погрузиться в безличную энциклопедичность, растворив фабулу жизни Шекспира в море сопутствующих сведений и соображений.

Трудность для автора еще и в том, чтобы озвучить собственные взгляды в многоголосом хоре коллег-специалистов, предшественников и современников. Как обозначить и утвердить свой, оригинальный подход к шекспировской проблеме, не ограничиваясь воспроизведением готовых – и противоречащих друг другу – теорий и версий?

Шайтанов выбрал нелегкий, но, на мой взгляд, благодарный вариант: признать проблему и строить свое повествование в проблемном ключе. Это нетривиальный выбор. Например, замечательный знаток творчества Шекспира А. Аникст свою книгу в серии ЖЗЛ (полувековой уже давности) написал в очень спокойном, утвердительно-изъявительном наклонении, как будто о герое известно если не все, то все существенное – внемлите.

Шайтанов, с самого начала заявив твердую «стрэтфордианскую» позицию, предоставляет в своем тексте место сомнениям, доводам оппонентов, честно признает, что многие вопросы, многие моменты шекспировской биографии остаются – и навсегда останутся – спорными. И провозглашает свой главный методический принцип: ключ к пониманию биографии и личности Шекспира лежит в его произведениях.

Но творчество «эйвонского лебедя» глубоко укоренено в материальной и духовной почве его эпохи. Эту почву Шайтанов вспахивает глубоко и основательно. Эрудиция автора не выпячивается, но, все же, бросает определенный вызов способности восприятия рядового читателя. Текст книги чуть ли не перенасыщен сведениями самого разного рода: от системы школьного образования в тогдашней Англии до Порохового заговора, от правил сбора штрафов и налогов до театральной топографии Лондона. Линия жизни Шекспира вьется и петляет между массивами ис-